

И. С. Дикарев

ИСПОЛНИМОСТЬ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Исполнимость судебных решений по уголовным делам представляет собой нормативное требование, вытекающее из более общего свойства судебных решений — общеобязательности. Данное требование выступает в качестве важной гарантии принципа правовой определенности, поскольку предвидеть последствия своей деятельности в сфере уголовного судопроизводства, быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса и рассчитывать на то, что их права получат реальную судебную защиту, участники уголовного судопроизводства могут лишь в случае гарантированного исполнения вступившего в законную силу судебного акта. В то же время исполнимость является гарантией права на судебную защиту, поскольку только реальное выполнение решений, содержащихся в судебном акте, обеспечивает восстановление нарушенных прав. Наличие у судебного решения свойства исполнимости не исключает возможности установления в законе возможности приостановления его исполнения. В статье обосновывается необходимость предусмотреть в уголовно-процессуальном законе возможность приостановления исполнения судебных решений в случае их пересмотра в кассационном или надзорном порядке.

Ключевые слова: судебное решение, приговор, законная сила судебного решения, исполнимость, общеобязательность, приостановление исполнения судебного решения.

I. S. Dikarev

FEASIBILITY OF COURT DECISIONS IN CRIMINAL PROCEEDING

Enforceability of judgments in criminal matters is a legal requirement, which follows from the more general properties of judgments — its universally binding nature. This requirement serves as an important guarantee of legal certainty because participants of criminal proceedings can't foresee the consequences of their activities in the field of criminal justice, be confident of the immutability of its officially recognized status and rely on the fact that their rights will have a real legal defence, without execution of an enforceable judicial act. At the same time, the enforceability is a guarantee of the right to judicial protection, since only the implementation of the decisions contained in the judicial act, provides a remedy. The presence properties enforceability of a judgment does not preclude the possibility of the establishment of the law suspending its execution. In the article the author substantiate a necessity to include in the Criminal Procedure Act the possibility of suspending the execution of court decisions in the case of a revision in cassation or supervision order.

Keywords: judgment, sentence, legal force of a court decision, feasibility, generally binding character, suspend enforcing court decisions.

В теории процессуального права исполнимость обычно относят к числу самостоятельных свойств судебных решений, вступивших в законную силу [14, с. 105; 11, с. 254.]. Однако, по нашему мнению, более правильно рассматривать *исполнимость не как самостоятельное свойство судебных актов, а как нормативное требование, вытекающее из такого свойства вступивших в законную силу судебных решений, как общеобязательность.*

Подтверждением правильности такого подхода служит ст. 392 УПК РФ, из которой следует, что законодатель включает исполнимость в содержание обязательности приговора, определения и постановления суда. В данной статье, носящей

название «Обязательность приговора, определения, постановления суда», во-первых, предусматривается, что вступившие в законную силу судебные акты подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации, а во-вторых, упоминается о предусмотренной законом ответственности за неисполнение приговора, определения, постановления суда по ст. 315 УК РФ.

Конституционный суд РФ прямо указывает на связь обязательности и исполнимости судебных решений с требованием правовой определенности, поскольку последнее предполагает стабильность правового

регулирования. Как отмечается в Постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30-П [10], указанные общие принципы осуществления правосудия распространяются на все закрепленные Конституцией РФ виды судопроизводства — конституционное, гражданское, административное и уголовное и являются для них едиными, вне зависимости от природы и особенностей материальных правоотношений, определяющих предмет рассмотрения в каждом виде судопроизводства, в рамках которого граждане реализуют конституционное право на судебную защиту.

Значение исполнимости как гарантии принципа правовой определенности состоит в том, что предвидеть последствия своей деятельности в сфере уголовного судопроизводства, быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса и рассчитывать на то, что их права получат реальную судебную защиту, участники уголовного судопроизводства могут лишь в случае гарантированности исполнения вступившего в законную силу судебного акта. Только полное и своевременное исполнение окончательного судебного решения обеспечивает подлинную стабильность правового регулирования, реализацию прав и обязанностей, определенных вступившим в законную силу приговором, определением или постановлением суда.

Обеспечивая эффективность правосудия, требование исполнимости судебных решений выполняет роль одной из гарантий права личности на судебную защиту («права на суд»). Как неоднократно отмечал Европейский суд по правам человека, «это право будет иллюзорным, если внутренние правовые системы Договаривающихся Государств будут позволять обязательным судебным решениям оставаться неисполненными в ущерб одной из сторон. Немыслимо, чтобы п. 1 ст. 6 (Конвенции о защите прав человека и основных свобод — *И. Д.*) детально оговаривал процессуальные гарантии, предоставленные сторонам в процессе — разбирательство справедливое, публичное и эффективное — не защищая исполнение судебных решений. Толкование статьи 6 только как касающейся исключительно доступа к суду и проведения разбирательства может привести к ситуациям, не совместимым с принципом верховенства права, который Договаривающиеся Государства обязались соблюдать при ратификации

Конвенции... Исполнение решения, вынесенного судом, должно рассматриваться как составляющая часть «разбирательства» для целей статьи 6...» [9; 4, с. 431]. Действительно, одно лишь вынесение судебного акта, которым установлен факт нарушения прав и свобод определенного лица и возложена обязанность по совершению определенных действий на лицо, допустившее такое нарушение, было бы бессмысленным и не востребованным, если бы исполнение такого акта не было обеспечено принудительной силой публично-властных субъектов [2, с. 76—83].

Таким образом, *исполнимость судебных актов, вступивших в законную силу, является необходимым условием реализации права на справедливое судебное разбирательство, которое в свою очередь выступает важнейшей предпосылкой полноценной реализации права на судебную защиту.*

Однако наличие у судебного решения свойства исполнимости не исключает возможности установления в законе возможности приостановления его исполнения. Необходимость в этом возникает в тех случаях, когда имеются основания полагать, что судебное решение содержит существенную (фундаментальную) ошибку, которая в соответствии с законом может служить основанием для отмены или изменения приговора, определения или постановления суда. В подобной ситуации исполнение судебного решения (сопряженное с риском причинения тем самым вреда правам личности) свидетельствовало бы о формальном подходе, несбалансированности таких правовых ценностей, как правовая определенность и право на судебную защиту.

Приостановление исполнения вступившего в законную силу судебного решения означает временный перерыв в реализации содержащихся в нем решений. По сути, это своего рода «дезактивация» требования исполнимости, его «отключение» на период времени, требующийся вышестоящему суду для проверки правосудности обжалованного решения.

Как в зарубежном, так и в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве на разных этапах его развития закреплялась возможность приостановления исполнения судебного акта в случае принятия уполномоченным субъектом решения о начале

процедуры пересмотра вступившего в законную силу (окончательного) судебного акта. Другими словами, такого рода решениям закон придавал суспензивное (от лат. *suspensus* — отсроченный, приостановленный) значение.

Так, еще во французском Кодексе уголовного следствия 1808 г., который, как известно, во многом послужил образцом для российского Устава уголовного судопроизводства 1864 г., было закреплено, что приговор ассизного суда не приводится в исполнение в течение трех дней, отведенных для объявления осужденным о подаче жалобы в кассационный суд, а в случае принесения такой жалобы — до вынесения кассационным судом приговора (§ 373) [15, р. 172].

Аналогичным образом решался вопрос о приостановлении исполнения приговора и Уставом уголовного судопроизводства Германской империи 1877 г., в § 383 которого было оговорено, что своевременной подачей ревизии законная сила приговора в той части, в которой он был обжалован, приостанавливается [12, с. 74].

По российскому Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. исполнение окончательных приговоров, обжалованных в кассационном порядке, также приостанавливалось. Исключение составляли оправдательные приговоры, обжалование которых в кассационном порядке не приостанавливало их исполнения.

В советском уголовно-процессуальном праве институт приостановления исполнения приговора окончательно сформировался после принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г.

Право приостановления исполнения судебного решения являлось производным от права их опротестования. «Поэтому, — писал И. Д. Перлов, — каждое лицо, имеющее право принести протест в порядке судебного надзора, должно быть наделено и правом приостановления исполнения» [8, с. 197—198].

Статья 48 Основ наделяла Генерального прокурора СССР, Председателя Верховного суда СССР, их заместителей правом приостанавливать до разрешения дела в порядке надзора исполнение опротестованного приговора, определения и постановления любого суда СССР, союзной и автономной республики. Главный военный прокурор и Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР имели

полномочие на приостановление исполнения приговора любого военного трибунала, а заместитель Главного военного прокурора — приговора военного трибунала армии, флотилии, соединения и гарнизона. Таким же правом в отношении опротестованного приговора, определения и постановления любого суда союзной республики и входящих в нее автономных республик пользовались прокурор и председатель верховного суда соответствующей союзной республики и их заместители.

При этом закон допускал приостановление исполнения судебных решений не только в случае принесения надзорного протеста, но и до их опротестования на срок не свыше трех месяцев — при наличии данных, свидетельствующих о явном нарушении закона.

Соответствующие положения нашли свое закрепление в ст. 372 УПК РСФСР.

Как и в законодательстве дореволюционной России приостановление исполнения допускалось только в отношении обвинительного приговора — исполнение оправдательного приговора и решения о прекращении уголовного дела приостанавливаться не могло [8, с. 201].

После принятия Конституции РФ 1993 г. полномочие должностных лиц органов прокуратуры на приостановление исполнения вступивших в законную силу судебных решений вошло в непримиримое противоречие с конституционными принципами независимости судей, состязательности сторон и др. Было очевидно, что в новом уголовно-процессуальном законодательстве России таким нормам не должно быть места.

В Модельном УПК для государств-участников Содружества Независимых Государств, принятом 17 февраля 1996 г. Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ, предусматривалось сохранение института приостановления исполнения приговора, но соответствующим полномочием наделялись только судьи. Согласно ст. 508 данного Кодекса при наличии оснований полагать, что приведение приговора в исполнение или дальнейшее его исполнение может привести к тяжким или необратимым последствиям для жизни и здоровья осужденного, одновременно с истребованием дела суд вправе распорядиться о приостановлении исполнения приговора.

Однако российский законодатель, принимая

УПК РФ 2001 г., придав требованию исполнимости судебных решений гипертрофированное значение: права приостанавливать исполнение вступивших в законную силу судебных решений лишились не только должностные лица органов прокуратуры, но и руководители судов.

Надо сказать, что в гражданском процессе институт приостановления исполнения обжалованных в кассационном и надзорном порядках судебных решений сохранился (ч. 1 ст. 381, ч. 1 ст. 391.5 ГПК РФ). Соответствующее решение может быть принято судьей, изучающим кассационные или надзорные жалобу, представление, в случае истребования дела при наличии просьбы об этом в жалобе, представлении прокурора или ином ходатайстве.

Парадокс состоит в том, что изначально в российском законодательстве (по Судебным уставам 1864 г.) институт приостановления исполнения судебных решений был характерен именно для уголовного судопроизводства, тогда как в гражданском он отсутствовал. «В процессе гражданском, — писал И. Я. Фойницкий, — кассационным жалобам не присваивается суспензивной силы; причина этого различия с уголовным процессом понятна: в гражданском процессе дело идет о правах восстановимых, уголовными же приговорами по большей части нарушаются такие права, которые восстановлены быть не могут (свобода, жизнь)» [13, с. 549]. Приведенная цитата является лишним подтверждением абсурдности сложившейся ситуации.

Не случайно отсутствие в новом уголовно-процессуальном законодательстве института приостановления исполнения судебных актов вызвало резкую критику со стороны как ученых-процессуалистов, так и практических работников. Все они, как правило, выступают за восстановление института приостановления исполнения пересматриваемых судебных решений, расходясь лишь в деталях предлагаемых вариантов законодательной регламентации соответствующих процедур.

Ряд авторов высказались за наделение правом приостановления исполнения вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений судьей, ведущего предварительное производство по принесенному надзорному ходатайству.

Так, В. В. Дорошков полагает, что в практической

деятельности надзорных инстанций при проверке в порядке надзора приговоров, в т. ч. постановленных судом присяжных, в случае обнаружения существенного нарушения уголовно-процессуального закона возникает необходимость приостановления исполнения приговора, в т. ч. в части не только основного, но и дополнительного наказания. В связи с этим автор предложил дополнить УПК РФ ст. 406.1 следующего содержания: «Лица, указанные в статье 406 УПК РФ, при наличии данных, свидетельствующих о явном нарушении закона, вправе одновременно с истребованием уголовного дела приостанавливать исполнение приговора, определения или постановления до разрешения дела в порядке надзора» [3, с. 248—249].

М. Н. Алиев также полагает, что право приостановления исполнения приговора должно принадлежать судье, рассматривающему надзорные жалобу или представление, однако, в отличие от В. В. Дорошкова, данный автор считает, что реализовано данное право может быть не в момент истребования уголовного дела, а одновременно с вынесением постановления о возбуждении надзорного производства [1, с. 60].

Другие авторы считают, что правом приостановления исполнения судебного решения должны пользоваться не судьи, ведущие предварительное производство, а руководители судов надзорной инстанции.

Н. Н. Ковтун и А. С. Подшибякин пишут: «Обращает на себя внимание то, что в нормах УПК РФ отсутствует упоминание о возможности временного *приостановления исполнения приговора* при наличии данных в надзорном ходатайстве или материалах проверки, свидетельствующих о явном нарушении закона, как это имело место в нормах УПК РСФСР (ст. 372). Учитывая важность данной процессуальной гарантии для обеспечения прав осужденного, считаем необходимым устранить этот пробел в законодательном регулировании надзорного производства. На наш взгляд, при явном наличии указанных данных судьей, осуществляющий проверку, обязан одновременно с вынесением *постановления о возбуждении надзорного производства* обратиться к председателю соответствующего суда с тем, чтобы он... вынес постановление о временном приостановлении исполнения обжалуемого приговора» [5, с. 17]. Данное предложение поддерживает и Т. С.

Османов [7, с. 29].

Мы также придерживаемся мнения, что исполнение вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда должно приостанавливаться в случаях, когда в ходе предварительного производства по кассационным и надзорным жалобам, представлениям обнаруживаются предусмотренные законом основания для пересмотра вступивших в законную силу судебных решений.

Полагаем, что соответствующим полномочием должен быть наделен судья, рассматривающий кассационные или надзорные жалобы, представление в порядке, предусмотренном соответственно ст. 401.8 или 412.5 УПК РФ. Обращение к председателю суда или его заместителю с ходатайством о приостановлении исполнения приговора представляется нам нецелесообразным. Приостановление исполнения приговора должно рассматриваться не как административная функция руководителя суда, а как процессуальное полномочие, вытекающее из права возбуждения кассационного или надзорного производства.

Учитывая, что до изучения истребованного уголовного дела судья не имеет возможности с большой долей вероятности установить наличие оснований для пересмотра вступившего в законную силу судебного акта, приостановление исполнения приговора и иных судебных решений одновременно с истребованием уголовного дела представляется преждевременным. Думается, что *решение о приостановлении исполнения приговора должно приниматься одновременно с решением о передаче жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании соответственно суда кассационной инстанции или Президиума Верховного суда РФ* (п. 2 ч. 2 ст. 401.8, п. 2 ч. 2 ст. 412.5 УПК РФ). В этом случае вынесения отдельного постановления о приостановлении исполнения приговора не требуется — данное решение должно включаться в резолютивную часть постановления о передаче жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда соответствующей инстанции (с изложением в описательно-мотивировочной части постановления оснований принятого решения).

При этом, как представляется, решение о приостановлении исполнения обжалуемого судебного решения не должно выноситься

автоматически в каждом случае передачи жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании соответствующего суда. Данный вопрос следует разрешать в зависимости от конкретных обстоятельств дела по усмотрению судьи, т. е. должен действовать порядок, который К. И. Комиссаров именует правилом *интерцессии* [6, с. 12].

Учитывая изложенное, полагаем целесообразным дополнить ст. 401.8 и 412.5 УПК РФ новой частью следующего содержания: «В случае вынесения постановления, предусмотренного п. 2 части второй настоящей статьи, судья вправе приостановить исполнение обжалованного приговора, определения или постановления суда до вынесения решения судом кассационной инстанции / Президиумом Верховного суда Российской Федерации».

Кроме того, полномочием приостанавливать исполнение приговора, определения или постановления суда должны обладать руководители судов, пользующиеся правом отмены постановлений судей об отказе в передаче жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании соответственно суда кассационной инстанции или Президиума Верховного суда РФ (ч. 3 ст. 401.8, ч. 3 ст. 412.5 УПК РФ). Данное положение также следует закрепить в уголовно-процессуальном законе.

Список библиографических ссылок

1. Алиев М. Пути усовершенствования порядка рассмотрения надзорных жалоб и представлений // Рос. юстиция. 2004. № 4. С. 59, 60.
2. Вишневский Г. А. Действие принципа *res judicata* как необходимое условие обеспечения справедливости // Современное право. 2013. № 11. С. 76—83.
3. Дорошков В. В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. М., 2004. 320 с.
4. Европейский суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. Т. 2. / председатель ред. колл. В. А. Туманов. М., 2000. 808 с.
5. Ковтун Н. Н., Подшибякин А. С. Производство в суде надзорной инстанции: вопросов больше, чем ответов // Рос. судья. 2002. № 9. С. 15—22.
6. Комиссаров К. И. Теоретические основы судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1971. 44 с.
7. Османов Т. С. Процессуальный порядок рассмотрения надзорной жалобы (представления) по УПК РФ // Рос. судья. 2005. № 2. С. 25—29.
8. Перлов И. Д. Надзорное производство в уголовном процессе. М., 1974. 256 с.
9. Дело Брумареку против Румынии (*Brumarescu v. Romania*): постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1999 г. (жалоба № 28342/95). [Электронный ресурс]. Доступ из электронного периодического справочника «Система ГАРАНТ».
10. По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко: постановление Конституционного суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П // Рос. газ. 2012. 11 янв.
11. Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции: монография / под ред. д-ра юрид. наук Н. А. Колоколова. М., 2012. 496 с.
12. Устав уголовного судопроизводства для Германской империи с законом о введении его в действие 1 февраля 1877 г. / пер. И. Соболева. СПб., 1878. 120 с.
13. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. II. 606 с.
14. Щерба С., Чашина И. Новый закон о преюдиции в уголовном процессе: сущность и значение // Уголовное право. 2010. № 3. С. 103—109.
15. Code d'instruction criminelle et Code pénal. Paris: Librairie Dalloz, 1912. 635 p.